

Эдуард АНАШКИН

Откуда ты взялась, строка?

Круглые даты, как бы философски ни относились к ним сами юбиляры, всё же повод осмыслить пройденный путь — творческий и жизненный. Повод вспомнить о своих истоках, художественных и человеческих, и, может быть, даже неким пунктиром наметить вехи на будущее...

На моём столе — две вышедшие недавно в свет книги (одна — в Москве, другая — во Владивостоке) замечательного русского писателя Ивана Тertyчного. Книга прозы «Безмянная вода» и книга избранных стихотворений «Высшая мера». И, думаю, хорошо, что юбилей порой заставляют не склонных к публичности коллег издавать свои произведения. Тertyчный — личность, пожалуй, непубличная. Человеческое от литературных «тусовок» далёкий. Многопечатанием не страдающий. Да и многописанием тоже. Человек, вынашивающий книги в душе терпеливо. Не мельтешиющей публикациями, не суетящийся. Но — постоянно задающий себе непростые вопросы. И уже в том, что не всегда писатель Тertyчный может ответить на них однозначно, быть может, и есть одно из главных его достоинств как художника слова. Он исподволь, как бы нечаянно (но на самом деле — настойчиво и властно) побуждает нас задуматься в сей час и сей миг... О чём?..

Откуда ты взялась, строка?
Или тебя случайный ветер
Наоблаках ночных приметил
И вот принёс издали?
Или срябин, может быть,
(Её дождём кокну пригнуло)
Ты чистой каплей соскользнула
Начистый лист моей судьбы?
Не знаю... Но вчера, слегка
Смущённый радостью нечастой,
За криком удали горластой
Услышала тебя, строка.

Умение услышать сквозь земной неизбежный шум небесные строки — это и есть дар Тertyчного, поэта и прозаика. Очевидно сходство того, что выходит из-под пера писателя, с

переливами песен его родных курских соловьёв. Песнями негромкими и незапойливыми, а скорее потаёнными, но более победительными, нежели любой житейский грохот.

И хотя, как я уже упоминал, в грехе многопечатания Ивана Алексеевича не упрекнёшь, но при этом он — писатель активно востребованный. Его охотно публикуют в отечественных и зарубежных журналах. Он автор десяти книг прозы и поэзии, лауреат всероссийских литературных премий и международных конкурсов. Служит писательскому делу преданно и несуетно, а именно так, по пушкинскому завету, и должно служить поэту.

Стихи, по признанию Ивана Тertyчного, для него занятие вовсе не регулярное, зависящее от состояния души. «Были, помню, два года у меня в 80-х, когда почувствовал, что хошу-брожу по мелководью...» Затосковал по глубине и мощи, по встречному течению тогда Тertyчный! Иначе не был бы, не остался бы поэтом, выродился в стихотворца! Иных ведь всю жизнь вполне устраивает весьма комфортное хождение по литературному мелководью... Мне как читателю не довелось быть свидетелем некоего литературного тупика, о котором вспоминает Иван Тertyчный. Его книги зрелы, словно позднеспелые яблоки, они крепки, весомы и тщеславны гниля не подвержены. Кстати, зрелость эта видна и в умении ценить то, что мы последнее время ценить разучились: радости земного бытия, что испосланы нам свыше, как подарки небес. В погоне за успехом, за карьерой, за материальными благами мы часто проходим мимо них, считая пустяками. Поэт нас за это не осудит, но лично и словно внезапно вдруг напомнит, что главное не в так называемой успешности, не в социальном статусе, а в том, что дано уже по праву рождения. По праву человеческому удив-

ляться совершенству сотворённого Богом мира. По великому праву быть создателями на Богом сотворённой тверди. В этом — и только в этом — счастье наше человеческое:

Не тяготят зыбучие туманы
И день-денской дрожащий
серый пруд.
И ветерком продукты карманы,
И еженощный постоянный труд.
Подбрасывает некто мне гостинцы:
То яблоко, прикрытое травой,
То книжку о старинном датском принце,
То паутинки блеск над головой.
Пройдёт, шума, залесом электричка.
Ворона пролетит невдалеке...
Какая это славная привылка —
Идти неспешно кутренней реке!..

Не потому ли народ неукротимо тянется к природе, что подсудно понимает: чем дальше от неё — тем дальше от человеческого в себе. Почтайте произведения Тertyчного, его прозу, его стихи. Даже если разучились изумляться красоте прекрасной русской природы, поэт (льшу себя надеждой) научит вас тому снова. Напомнит, не осуждая, не поучая, а просто делись с вами своим (почтительным) удивлением... И вы, уверен, поблагодарите его за это!

Современный российский читатель знает Ивана Тertyчного больше как поэта, нежели как прозаика. Между тем, пробовав себя в прозе он начал ещё чуть ли не юношей... Впрочем, пусть сам расскажет о том, каковы были его первые попытки представить на суд известного профессионального редактора свои короткие рассказы. Собственные сочинения Тertyчный, по совету старшего товарища, понёс в один столичный журнал. Редактор оказался человеком доброжелательным. Даже решил преподать урок, как нынче сказали бы, мастер-класс прозаического дела: «В центре произведения должен быть характер, его движение и пр...». Молодой автор чуть было не удивился влху: «А почему же вы печатаете В.К.? Какого у него действие такое? Видит — мужики что-то не то пьют... или горевание, причём, сладенькое, по поводу спящего дерева, к примеру... Это — рассказы?»

Позже Тertyчный понял: хорошо, что не произнёс этих слов. Зато, размышляя над ними, дозрел до мысли, которой редко кто ныне озобочен: «Человек пишущий должен иметь право на публичное слово!». Он должен его заслужить, выстрадать это право — право на внимание человека читающего.

Да простит меня Иван Алексеевич, что

процитировал некоторые строки его личного письма. Но сделал я это, вовсе не желая пригвоздить досужего редактора отдала прозы. А для того, чтобы мы — читатели, и писатели — вместе с Иваном Тertyчным задумались на тему, о которой в суете-маете последних десятилетий позабыли: о цене Слова — многие борзописцы и политиканы хотят его видеть не «глаголом», но «товаром». Наши великие писатели потому и стали классиками, что нередко право на обнародование своего слова оплачивали жизнью. По символическому стечению обстоятельств недавно довелось говорить с одной поэтессой. И она привела слова классика, поразившие меня. Смысл их такой: за плечами современных писателей стоит такая великая и мощная литература, что мы обязаны трижды подумать о том, имеем ли право отнимать читателя у этой литературы, отнимать читателя у наших духовных столпов. Иные коллеги подобных думами портить себе нервы не желают. А вот настоящие писатели, такие как Тertyчный, постоянно и подсудно размышляют об этом. Может, именно тем и отличается истинный сочинитель от псевдотворца, так как сомневается в том, насколько он писатель?..

Над этими философскими вопросами творчества в эпоху разрастающегося информационного поля иные не делают особо задумываться. «Я прокукарекаю, что хочу, а там хоть не рассветай!» И не рассветает ведь! Вот вроде и идём мы к читателю, идём на восход, а попадаем-то большей частью — на запад, на закат... Иван Тertyчный призывает даже в сумрачную годину, блуждая во мраке, всё-таки стремиться к восходу. Вселяет в нас не митинговую, а лирическую уверенность в том, что так и будет:

В лихие девятые, когда каждый делал свой мучительный выбор между добром и злом (и когда каждый понимал добро и зло по-своему), Тertyчный выбрал литературу — выбрал тогда, когда уже принадлежность к писательскому цеху — не то что в советские времена — не сулила, в общем-то, ни материальной обеспеченности, ни государственного статуса. Тут вот и начали приходить к читателям книги стихов: «И было утро», «Рядом», «Подорожная», «Когда-нибудь», «Лунный снег»...

А в нулевые-двухтысячные, когда после парада национальных суверенитетов времён СССР немал был риск повторения подобной суверенизации уже в пределах России, Тertyчный — как писатель, как поэт, как гражданин — помогал вкупе с единомышленниками укреплению единства нашей многонациональной страны на ниве переводной литературы: делал достойным русских читателей стихи своих собратьев по перу из Бурятии, Татарстана, Дагестана, Якутии, Башкирии и ближнего зарубежья... Немалая заслуга Тertyчного в том, чтобы они, самобытные национальные поэты, стали ещё ближе нам, полюбили читателями. В эпоху величия советской империи литературные межнациональные скрепы были едва ли не самыми крепкими духовными скрепами страны. Русские поэты и прозаики много переводили лучших писателей из национальных республик. Кайсын Кулиев, Давид Кугультинов, Расул Гамзатов, Мустай Карим... К этим именам можно добавить и современных национальных писателей: Рената Хариса, Наталью Харлампьеву, Марселя Салима, Виктора Череватенко и других, кто стал ближе общероссийскому читателю в немалой степени благодаря переводам Ивана Тertyчного. Наша литература не ограничивается пределами московской кольцевой автодороги, да и пределами государственной границы России тоже.

...Часто бывает у Ивана Тertyчного, что сугубо лирическое стихотворение, внешне нарочито лишённое гражданского пафоса, вдруг выходит на уровень философского и гражданского обобщения. Призывает читателя к разговору, даёт простор для размышления. Поэт и писатель Тertyчный не порицает за что-то современников, не обвиняет социальные настроения общества, но клеймит правящий режим. Он помогает нам вернуться к истокам, обрести самих себя после десятилетий разброда и шатания, вспомнить себя изначальных. И мы вспоминаем! Это подобно тому, когда среди какофонии придуманных звуков вдруг вспыхнет, вдруг зазвучит вдалеке, — а потом всё ближе... ближе... — победительная трель соловья, курского соловья и «разбойника», лирика и философа...

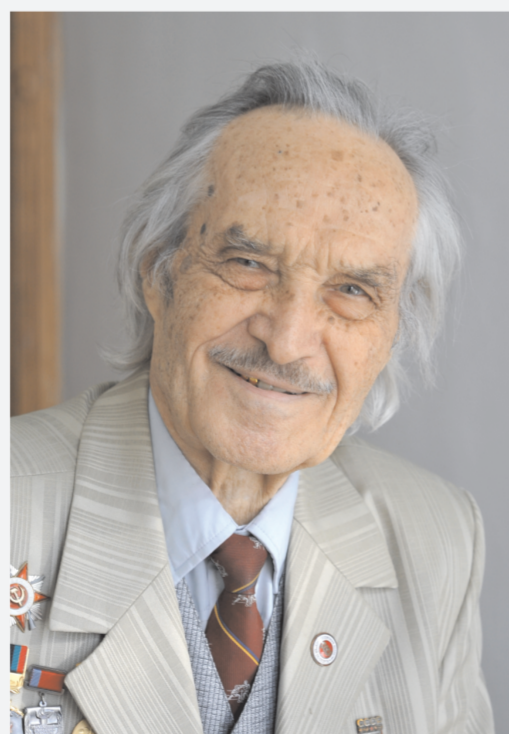
Владимир ФЁДОРОВ

Ринг в квадрате листа

(Окончание. Начало в № 5(42) 2013)

Как было заведено в советские времена, «партийная группа» огласила имя кандидата на пост председателя Федерации, рекомендованного самим ЦК КПСС. Но вместо «дружных аплодисментов» в поддержку, кто-то из боксёров неожиданно выкрикнул: «А у нас свой кандидат есть — Свиридов!» Тут уж действительно грянули аплодисменты всего зала. Организаторам конференции ничего не оставалось, как дополнительно включить фамилию Свиридова в бюллетень. Конечно, он выиграл при первом же голосовании с огромным перевесом. Организаторы были в ужасе. Быстро найдя какую-то причину, они отменили результат и провели голосование ещё раз, потом ещё. Но «обработчики» делегатов в перерывах оказались беспомощными: Свиридов выигрывал раз за разом. Тогда собравшийся «тайный партийный совет» решил: ладно, объявим его председателем, а на следующей же конференции снимем.

«Следующая конференция» не наступила никогда. Новорождённая федерация во главе с её председателем, который был не просто «почётным лицом», а знатоком и практиком бокса, провела целую реформу: приняла новые правила проведения боёв, определила главные принципы формирования сборной страны, начала активно работать с союзными республиками и регионами. Результаты резко пошли вверх. На Олимпийских играх в Токио наша команда впервые стала чемпионом турнира, а Валерий Попенченко был назван лучшим боксёром. На чемпионате Европы 1965 года в Берлине, в год 20-летия Победы, советские боксёры устроили вторую Победу, завоевав восемь золотых медалей из десяти и установив абсолютный рекорд. Интересно, что тогда же, решив хоть как-то «отыграться» во время бала чемпионов, устроители вместо объявленного вальса включили... твист, зная, что он запрещён в России. Но не успели хозяйка радостно потереть руки в предвкушении «русского позора», как вся сборная СССР начала дружно «отжигать» самые замысловатые па-нормодного танца. Через десять минут на площадке остались только танцующие без устали русские и восхищённые телеоператоры. Откуда бедным немцам было знать, что Федерация бокса СССР ещё за полгода до того сумела получить специально разрешение ЦК на ежедневные

После выхода «Ринга за колючей проволокой» обретший славу молодой писатель Георгий Свиридов в 1961 году был приглашён на всесоюзную конференцию, где, подстраиваясь под мировые спортивные структуры, должны были создать Федерацию бокса СССР. Почётного гостя посадили в президиум, и он оказался на глазах всего зала. Вот тут-то и произошло неожиданное

негласные занятия твистом, поскольку смогла доказать, что этот танец очень полезен как тренировка ближнего боя.

Георгий Свиридов был председателем (а потом президентом) Федерации два срока подряд — с 1961 по 1971 год, и это время теперь принято называть «золотым веком советского бокса». По уставу, выборы на третий срок были невозможны, но, «сделав паузу», Свиридов вновь возвратился на данный пост и занимал его ещё десять лет. После чего был пожизненно избран почётным президентом Федерации бокса СССР и России. А затем, пользуясь своим огромным авторитетом, «вывел из подвалов», легализовал и возглавил карате... Не знаю как вы, а я не помню в нашей стране писателя, который бы столько сил и энергии вложил в спорт и при этом написал целый десяток прекрасных романов.

Но давайте вернёмся к нам, кроманам. О книге «Стоять до последнего» нужен особый разговор. В 1963 году к председателю Федерации обратился незнакомый тренер из Долгопрудного Игорь Миклашевский с просьбой уделить ему пару часов. Но речь при встрече пошла не о проблемах бокса: Свиридов интересовал тренера как писателя, которому он поведал невероятную ис-

торию. Сын актрисы Камерного театра Августы Миклашевской и хореографа Большого театра Льва Лацилина вырос в особой атмосфере, в окружении звёзд сцены и литературы. Сам Сергей Есенин, тайно влюблённый в его мать, любил играть с маленьким Игорюшкой. Но когда тот подрос, вопреки витающим вокруг музам, хоть и получил прекрасное образование, изучил языки, но выбрал стезю боксёра. И даже успел перед самой войной стать чемпионом Ленинграда в среднем весе. Он так бы, наверное, и воевал в зенитной батарее, прикрывающей небо северной столицы, если бы не муж его тётки, артист Блюменталь-Тамарин. Этот известный украинский трагик не слишком-то любил советскую власть и в самом начале войны перешёл на сторону немцев. Ему тут же нашли подходящее дело: Блюменталь стал вести радиопередачи на Россию из Варшавы, где не стеснялся в выражениях, пророча полный разгром «Советам» и поливая грязью всех и вся, включая самого «Отца народов». Сталин быстро возненавидел эту «радиоточку» и потребовал её ликвидировать. Вот тут-то руководители спецслужб, генералы Ильин и Судоплатов, и нашли в блокадном Ленинграде

«племянника», вывезли его в Москву, подготовили и симитировали «сдачу в плен». Над «легендой» не мудрствовали: будешь профессиональным боксёром. Немцы проверяли Миклашевского жёстко, даже устраивали «расстрел», но, на свою голову, за него поручился дядя Блюменталь. А потом пошли успехи на немецких рингах, где, как ни странно, во время войны ни на месяц не прекращались соревнования. Даже после поражения под Сталинградом был с помпой проведён Чемпионат Европы. На нём и блеснул Миклашевский, выступая как представитель «славянских народов». Там же его отметил чемпион мира, гордость немецкой нации, тяжелолюб Макс Шмелинг, который был вхож к самому фюреру. Шмелинг подарил Игорю свой портрет с восхищённой надписью, а это была уже солидная охранный грамота. Когда о таких успехах стало известно в Москве, Блюменталь для упомянутых генералов показался мелкой сошкой, и Миклашевский получил новое задание — ликвидировать самого Гитлера. И он, возможно, сумел бы это сделать. С помощью актрисы-подпольщицы Ольги Чеховой, также блиставшей в Германии, боксёр запланировал и тщательно подготовил операцию по уничтожению фюрера в театре. Но неожиданно поступила команда «отбой»: наши войска уже шли по Европе, и теперь живой Гитлер нужен был Сталину больше, чем мёртвый. Миклашевский вернулся к первоначальному заданию и ликвидировал Блюменталь, но на его след напало гестапо. Уже в Бельгии, настигнутый погоней и прошитый автоматными очередями, он три дня пролежал на насыпи дороги. Потом немцы дали команду местным крестьянам похоронить труп. Тут-то и выяснилось, что парень ещё дышит. Его переправили партизанам. «Воскрешение» Миклашевского и возвращение домой было просто чудом, но, не описывая их, перейдём к финалу рассказа. Вернувшись в Москву и сразу зайдя на квартиру к одному из упомянутых «шефов», он узнал, что оба генерала сидят в лагерях. Идти с докладом на Лубянку — означало повторить их путь. И разведчик, вычеркнутый из всех списков как погибший, почти на двадцать лет стал скромным тренером из Долгопрудного.

Вслушав эту историю, Георгий Свиридов встретился с реабилитированными к тому вре-

мени Ильиным и Судоплатовым, рассказал генералам, что их бывший агент жив. Они-то и посоветовали написать книгу о Миклашевском. После выхода романа «Стоять до последнего» Игорь Львович получил заслуженную пенсию и был награждён боевым орденом...

В нашей беседе рассказы о прототипах своих героев Георгий Иванович перемежает размышлениями вслух, которые тоже небезынтересны: — В двадцатом веке с человечеством произошёл настоящий перелом: появился новый огромный пласт жизни, без которого практически немислимо ни наше ежедневное существование, ни информационная сфера. Я говорю, конечно, о спорте. Но мы, писатели, к сожалению, стоим практически в стороне от этой глыбы. Многоли можно назвать ярких имён, проявивших себя в этой стезе? Единичи. И я всей своей литературной жизнью пытался хоть немного закрыть зияющий провал. И при этом старался помнить, что слово писателя — вечное и вечно, обладающее огромной материальной силой. Силой, которой надо пользоваться во благо. Если вспомнить кризисы в истории развития нашей страны, то можно заметить, что они, увя, всегда были загода «подготовлены» литературой. Души людей, отравленные чернением действительности и критиканством, воспринимали бед боли и протеста любые перевороты. И наоборот. К примеру, зажённая яркой, по-настоящему патристической литературой 20-30-х годов голодная и нищая Россия сумела на одной вере и убеждения совершить чудеса подъёма. Писатель должен не вздыхать и впадать в отчаяние с замыванием рук, как это мы часто наблюдаем сегодня, а видеть и показывать другим путь, даже если это узкая тропинка: «Пусть трудно, но мы всё равно победим!»

— В ваших произведениях так оно и есть...
— Может, и я пел бы в общем унылом хоре, но в спорте, воспитавшем меня, надо только побеждать. Особенно в боксе. Или ты, или тебя. К тому же, бокс вырабатывает умение идти на встречу опасности, каждый раз брать ответственность на себя. И при этом владеть мастерством. Такие же качества очень часто необходимы в обычной жизни, и было бы неплохо, если бы мои книги и герои сумели их воспитать в новых поколениях, а значит — в нашем будущем.